

УДК 821.161.1:1
ББК 83.3(2):60.032

Елена Алексеевна Папкина

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: elena.iv@bk.ru

«Видения грядущего» в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг. («Страна Гонгури» и «Происшествие на реке Тун»)

Аннотация. Впервые сопоставляются произведения В. Итина «Страна Гонгури» и Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун», в которых решается неизменно актуальная проблема будущего человечества. Для подтверждения обоснованности сопоставления текстов дается обзор фактов биографий и творчества обоих писателей конца 1910 – начала 1920-х гг., показывающий обусловленность проблематики их произведений биографическими фактами. На материале двух текстов с использованием сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов обосновывается автобиографический характер героев произведений, перед которыми во сне являются видения грядущего. Изложена гипотеза о возможном прототипе героев рассказа и повести – поэте Г.В. Маслове. Анализируются и сопоставляются созданные Ивановым и Итиным дистопия и утопия, которые имеют различный характер, но при общем утверждении победы людей над природой и высокого технического взлета в будущем, утвердившемся после Революции. Выявлены общие для двух писателей мысли о несовершенной природе людей, соединяющих в себе человечность и бесчеловечность, создающих новый мир и одновременно разрушающих его. Искания писателей рассмотрены в контексте философского учения В. Соловьева.

Ключевые слова: исторический контекст, автобиографичность прозы, утопия, антиутопия, дистопия, несовершенство человека

Elena Alekseevna Papkova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Senior Researcher, Russia, Moscow, e-mail: elena.iv@bk.ru

“Visions of things to come” in prose by V. Itin and Vs. Ivanov of the 1920s. (“The Country of Gonguri” and “The Accident on the River Thun”)

Abstract. The article compares for the first time the works of V. Itin “The Country of Gonguri” and Vs. Ivanov’s “The Accident on the River Thun”, which solves the ever-urgent problem of the future of humanity. To confirm the validity of the comparison between the texts, a review of the facts of the biographies and works of both writers from the late 1910s and early 1920s is provided. This review shows that the problems of their studies are overly burdened with biographical facts. Based on the material from two texts, using comparative historical and comparative typological methods, the autobiographical nature of the characters in the works, who experience visions of the future in dreams, is substantiated. A hypothesis is presented about a possible prototype for the heroes of the story, and the novel – the poet G.V. Maslov. The dystopia and utopia created by Ivanov and Itin are analyzed and compared.

These works have a different character, with the writers generally affirming the victory of people over nature and the high technological rise in the future, established after the Revolution. The thoughts common to both writers about the imperfection of human nature, combining humanity and inhumanity, creating a new world while simultaneously destroying it, are revealed. The works of the writers are considered in the context of V. Solovyov's philosophical teaching.

Key words: historical context, autobiographical prose, utopia, anti-utopia, dystopia, human imperfection

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.180-193

«В наше время столкновения двух миров, отчаянной войны за коммунизм против капиталистического произвола, когда все внимание поглощается этой гигантской битвой, особенное внимание мы должны отдать тому роману, где автор сквозь дым повседневности различает видения грядущего строя» [1, с. 4], – такими словами, возможно принадлежавшими самому автору, предваряется первая публикация повести «Страна Гонгури» В.А. Итина (Канск-Енисейский, январь 1922 г.). Известно, что предреволюционные и первые пореволюционные годы в русской литературе отмечены всплеском утопий и антиутопий. «Республика Южного Креста» В.Я. Брюсова, «Красная звезда» А.А. Богданова, «Мы» Е.И. Замятина, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А.В. Чаянова, «Чевенгур» А.П. Платонова и многие другие произведения показывали будущее социальное и духовное состояние человечества. «Будущее с различных историсофских, художественно-эстетических позиций представляли и воссоздавали художники первой трети XX века, – отмечает А.Е. Ануфриев. – Одни ожидали от него осуществления кардинальных социальных изменений, пересоздания отношений между людьми, освобождения и раскрепощения личности. У других размышление о нем вызывало мысль о фатальной обреченности человеческого общества, его неспособности прийти к согласию и миру на земле...» [2, с. 4].

Обратимся к двум произведениям, в которых показано пореволюционное будущее, – повести В.А. Итина «Страна Гонгури» (1922 г.) и рассказу Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» (1925 г.). Для сопоставления этих текстов, которое проводится впервые, есть основания: обоих писателей благословил на литературное творчество А.М. Горький, оба оказались в период Гражданской войны в Сибири, имели сходную биографию, переходя от «красных» к «белым» и обратно, были знакомы в Омске с поэтом Г.В. Масловым, возможно ставшим прототипом героев их произведений; действие произведений происходит в Сибири в 1919 г. (у Итина при власти Верховного Правителя А.В. Колчака, у Иванова – после начала отступления колчаковской армии из Омска), будущее представляется героям, носящим очевидно автобиографический характер, в форме сна.

Мы не располагаем никакими фактами, подтверждающими, что Иванов, в 1921 г. уехавший из Сибири в Петроград, был знаком с Итиным или читал изданную небольшим тиражом в 1922 г. в городе Канске Красноярского края повесть писателя. Можно лишь предположить, что Горький, обнаружив в 1921 г., накануне отъезда из России, среди рукописей, не опубликованных в 1917 г. в журнале «Летопись», рассказ Итина «Открытие Риэля», показал его Иванову или рассказал о нем, но, по словам Итина, он существенно переделал текст, превратив его в повесть «Страна Гонгури». Так или иначе, если Иванов знал повесть Итина, можно утверждать, что «Происшествие на реке Тун» он писал, возражая автору «Страны Гонгури», хотя, как ни парадоксально, итоговые размышления авторов о будущем оказались близки. Если не знал – тем удивительнее совпадения двух текстов, их прототипов и биографий авторов.

В 1916–1917 гг. начинается общение Итина и Иванова с Горьким. Присланные Ивановым рассказы Горький печатает в 1917 г. во втором сборнике произведений пролетарских писателей; рассказ Итина «Открытие Риэля», который Л. Рейснер передает Горькому, принят в «Летопись», но не опубликован.

Февральскую революцию 1917 г. оба писателя встречают с воодушевлением. Двадцатитрехлетний Итин в это время находится в Петрограде: «Активно участвовал в февральской революции. Накануне ездил с детьми проф. Рейснера Игорем и Ларисой в Сестрорецк известить большевистский комитет рабочих оружейного завода. Затем работал в студенческой милиции» (Цит. по: [3, с. 182]). Двадцатичетырехлетний Иванов февральскую революцию воспринимает как начало пути к «правде, миру, справедливости»¹. Очевидно, стремясь приблизиться к такому будущему путем политической борьбы, он вступает весной 1917 г. в Кургане в партию эсеров, осенью в Омске – в партию меньшевиков-«интернационалистов». Летом 1918 г. во время мятежа чехословацкого корпуса в составе Красной гвардии Иванов защищает Омск.

Революция как некая точка отсчета в описании будущего присутствует в произведениях обоих писателей. Как и в других текстах этого периода, революция здесь «не цель, а средство, результатом является не победа революции, а воплощение в жизнь тех идеалов, во имя которых революция совершалась»², указывает Д.Д. Николаев. В «Стране Гонгури» юный поэт Гелий рассказывает доктору Митчу: «Был 1920 год после Революции. Я вспоминаю жизнь, в общих чертах удивительно сходную с жизнью на Земле, но достигшую иной, высшей степени развития» [1, с. 19]. Природа подчинена человеку: «...у нас был теплый, неизменный климат и не было забот», растения приносили «гипертрофированные плоды». на высоком уровне находятся и техника, и социальная структура общества: «машины были совершенны, души людей еще более. От права власти – этого подобия кнута и других воспитательных атрибутов, от

¹ См.: Иванов В. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 126 [4].

² См.: Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006. С. 286 [5].

разных кровожадных чудовищ древности почти ничего не осталось»³. Комиссару из рассказа Иванова снится «последняя революция», мир будущего и здесь достиг технического взлета: описано, как «...солдаты подле большого экрана читали последние новости вселенной»⁴.

Весной 1918 г. Итин, до этого ставший сотрудником Наркомата юстиции РСФСР, но еще не вступивший в партию большевиков, приезжает лечить подорванное здоровье в родной город Уфу, а спустя несколько дней происходит мятеж Чехословацкого корпуса и Советская власть ликвидируется. Комитет Учредительного собрания проводит мобилизацию, и Итин становится телеграфистом в «белом» русско-чешском полку. Биограф Итина, В.Н. Яранцев⁵, предположил, что «он вполне сознательно, а не случайно мог оказаться в рядах русско-чешского полка. <...> Была и потеря *“надежды на победу пролетарской революции”* (“Автобиографическая справка”))» [3, с. 225]. После прихода к власти адмирала Колчака в ноябре 1918 г. Итин командирован переводчиком в американскую миссию Красного креста и в 1919 г. работает в Христианской ассоциации молодежи (ИМКА), занимавшейся религиозной пропагандой в Белой армии.

Мятеж Чехословацкого корпуса приводит Иванова в родные места. После смерти отца-монархиста, в которой его несправедливо обвиняют, молодой писатель скитается по Сибири, зимой 1918 г. возвращается в Омск. С весны 1919 г., как и Итин, спасаясь от мобилизации в колчаковскую армию, а может быть, и сознательно, становится сотрудником фронтовой белой газеты «Вперед». После оставления Колчаком Омска в декабре 1919 г. вместе с поездом газеты «Вперед» едет на восток вслед за отступающей армией, но по пути заболевает тифом и оказывается в небольшом сибирском городе Татарске.

Оба писателя после краха колчаковского режима не эмигрируют, а остаются в Советской России. Итин вступает в партию большевиков, возглавляет Губернский юридический отдел в Красноярске, работает в контакте с Енисейской губчека. Иванов служит в Отделе народного образования в Татарске, сотрудничает в газете «Советская Сибирь»⁶.

³ См.: Итин В. Страна Гонгури. Канск: Гос. издат., 1922. С. 19.

⁴ См.: Иванов Вс. Происшествие на реке Тун // Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкива. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 302–306 [6].

⁵ См.: Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури. Петербургское повествование. Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2018. С. 100–122 [7].

⁶ Все факты биографии Итина и Иванова периода 1916 – начала 1920-х гг. даются по изданиям: Тепляков А.Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 182–190; Яранцев В.Н. Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури. С. 100–265 [7]; Папкива Е.А. Материалы к биографии Вс. Иванова 1917–1921 гг. // Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. Е.А. Папкива. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 340–362 [8]; Штырбул А.А. Всеволод Иванов в Сибири: Страницы творческой биографии в контексте истории (1917–1921). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020 [9]; Яранцев В.

Героям «Страны Гонгури» и «Происшествия на реке Тун» придан автобиографический характер. В каждом произведении два героя ведут диалог и один рассказывает другому свой сон, автобиографические детали присутствуют в рассказе о каждом, причем подчеркиваются «красные» факты биографии.

У Итина Гелий, который «был пойман с оружием в руках», находится в колчаковской тюрьме. В прошлом у него учеба в Петербурге («полтора года юридического факультета» и, как у его собеседника, врача, работа переводчиком «в группе секретарей YMCA», отправившихся в 1917 г. из Америки в Азию «проповедовать идеи креста»). После революции Гелий становится членом революционного трибунала, борется в Сибири «против экспедиционных войск всего света»⁷.

Герои рассказа Иванова находятся на реке Тун, они «красные»: комиссар Хабиев, больной тифом, и автор-повествователь, который рассказывает о положении их отряда: «В тупиках у нас стоят шестнадцать эшелонов с пленными и беженцами; неизвестно, куда ушли колчаковские генералы, что делает Восточная Сибирь...» [6, с. 301]. Перед глазами героев предстают картины того, что видел Иванов в реальности, сопровождая отступающую армию: «Закаты снежных сибирских дней, чаще опирающиеся на трупы этих трусов, бросивших дома и думавших в сундуках унести свою короткую жизнь! Дорожные канавы, не глубже беженских сундуков, великодушно согласившиеся быть могилами! Тишина степных волков, уже забывшая стоны! Эшелоны, бесчисленные, трусливые и холодные эшелоны!...» [6, с. 306].

Кроме автобиографических черт героев, можно назвать и их возможный реальный прототип. Яранцев высказал предположение, что «в Гелии – герое «Страны Гонгури», Итин воплотил многое не столько от себя, сколько от Георгия Маслова! Ситуация тюремного ареста, неминуемая, неизбежная смерть от расстрела, предчувствие, переходящее в уверенность в собственной гибели, и на этом фоне настоящее пиршество, можно сказать, произвол мечты. <...> Гелию 24 года, как и Маслову в момент смерти, тюрьма находится явно в Красноярске или его окрестностях...» [7, с. 246]. С поэтом-пушкинистом Георгием Масловым Итин был знаком еще по дореволюционному Петербургу, в 1927 г. он вспоминал: «Георгий Маслов, блестящий молодой поэт (умер в 1920 г. в Красноярске от тифа), убежавший из Петрограда от голода и большевиков и попавший в Колчаковскую армию, декламировал в омских поэтических кабаках:

Пора стряхнуть с души усталой
Тоски и страха тяжкий груз,
Когда страна изгнанья стала
Приютом благородных муз...»

(Итин В. О поэтах. Стихи и стихии. Цит. по: [11, с. 313]).

Всеволод Иванов. Жизнь неслучайного писателя. М.: Молодая гвардия, 2023. (Серия «Жизнь замечательных людей»). С. 35–128 [10].

⁷ См.: Итин В. Страна Гонгури. С. 5–15.

Возможно, и образ бредящего в тифу поэта Хабиева в рассказе «Происшествие на реке Тун» навеян встречей Иванова в декабре 1919 г. на каком-то сибирском полустанке с Масловым. В Омске писатели общались, посещали одни литературные кружки, Иванов высоко ценил поэзию Маслова. В «Истории моих книг» говорится об их встрече при отступлении зимой 1919 г.: «Окликнули из теплушки беженцев. Перепуганные, впавшие большие глаза глядели на меня неподвижно. Я узнал поэта Георгия Маслова, автора “Авро-ры”. Без жалоб и уныния, а сказав только, что “кажется, у меня начался тиф”, он пригласил в теплушку и стал читать главы своего романа “Ангел без лица” <...> Поезд тронулся. Оставив Маслову мешок с углем, я выскочил из теплушки, а через месяц узнал, что тиф скопил Маслова...» [4, с. 140–141].

Отметим, что в стихотворениях реального Георгия Маслова если и присутствовали образы будущего, то они носили вполне конкретный характер. Так, в стихотворении «Парижанину», опубликованном в газете «Сибирская речь» 11 сентября 1919 г., поэт предсказывал:

От хмеля победы горд,
Ты в веселом кафе сидишь,
Но вскоре разгул обезумевших орд
Сметет одряхлевший Париж [12, с. 46].

Стихотворение заканчивалось мыслью о возрожденном величии России. Та же интонация звучит в стихотворении Маслова «Союзникам», напечатанном в газете 10 дней спустя:

В парижский салон неловко впустить
Московских дикарей.
А ведь очень скоро мы будем учить
Вас, как глупых детей [12, с. 47].

Стихи представляют то понимание будущего, которое в Третьей столице рисовалось в политическом контексте. И все же Яранцев отмечает: «Инстинктом поэта Итин, очевидно, чувствовал, что путь Маслова – путь не столько Колчака, которого омская молодежь (и местная, и приезжая) боготворила, но все же не все шли с ним до конца, путь не белогвардейский, политический, сколько его собственный, личный, неповторимый. Путь того петербургского “чудака”, который жил “почти реально” в пушкинских 1820-х годах и который жизнью в современных 1910-х годах не дорожил» [7, с. 244–245].

Так и «видения грядущего», представленные в снах героев, возможным прототипом которых стал Маслов, хоть и рождены революцией 1917 г. и Гражданской войной, имеют непосредственную связь не только с ними.

По своей жанровой природе, эти видения тяготеют к утопии и дистопии. Мы употребляем здесь термин «дистопия», а не «антиутопия» в соответствии с

классификацией жанров, предложенных В.А. Чаликовой, где антиутопия – «карикатура по позитивную утопию», отрицание самой идеи «будущего рая», в то время как дистопия описывает «сегодняшний ад, который, как опасается автор, продолжится и углубится в будущем»⁸.

«Отечественными философами с опорой на труды иностранных ученых структура утопического сознания довольно подробно и убедительно разработана» [19, с. 79], – отмечает А.В. Амелина и на основе анализа различных научных работ⁹ выделяет его основные черты. Назовем две важные для нашего сопоставления: «утопия проективна – утопист убежден в пластичности мира... и демонстрирует произвольность выбора средств и путей реализации»; «Утопия исходит из веры в могущество человека, в способность человека придать миру нужный ему вид, т.е. наделяет его функцией, которой в религии обладает только Бог-творец» [19, с. 79]. Формы воплощения антиутопии, как считает Амелина, еще «требуют дальнейшего основательного изучения философией»¹⁰, исследователь пишет: «Если в утопии человек представлен как исключительно рациональное управляемое существо, то в антиутопии делается акцент на естественную, чувственную или иногда даже звериную природу человека..., которая делает его неуправляемым со стороны рационально построенной системы» [19, с. 81]. В этом плане утопический мир в повести Итина «Страна Гонгури» имеет существенное отличие.

Гонгури – это не название планеты или страны на Земле, эти имя прекрасной девушки, которая живет на планете, где уничтожена зависимость от притяжения мировых тел. И потому «волшебная легкость становится основой... мира» [1, с. 19], где можно изменять очертания материков, гор и океанов, а жители умеют летать. На планете нет государств и преступлений, не идут войны. Жизнь двух народов страны, Талла и Генэри, устроена по-разному: «Здесь не было, конечно, различия по национальностям... Здесь были разные цели, или идеалы, что-то в этом роде»¹¹. Черты устройства страны Талла, которую населяет «громадный, сильный народ», напоминают тот образ будущего, который утверждался в Советской России после революции: «Это был ряд

⁸ См.: Чаликова В. О типологии литературных утопий // Феномен утопии в общественном сознании и культуре. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 12 [13].

⁹ См.: Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2004 [14]; Сизов С.С. Утопия и общественное сознание: философско-социологический анализ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988 [15]; Черткова Е.А. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81 [16]; Шацкий Е. Утопия и традиция: пер. с польского / ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990 [17]; Шишкина С.Г. Истоки и трансформация жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново: Ивановский гос. химико-технологический ун-т, 2009 [18].

¹⁰ См.: Амелина А.В. Теоретический аспект изучения литературной утопии и антиутопии (к проблеме идентификации жанров) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 4. С. 81 [19].

¹¹ См.: Итин В. Страна Гонгури. С. 21.

коммун, спокойных, счастливых, если счастье есть сознание совершенной удовлетворенности... <...> Точная мысль определяла производство. Коллективное творчество преобладало» [1, с. 21]. Интересно отметить, что в переизданиях повести, напечатанных по варианту, который автор готовил для публикации в журнале «Сибирские огни» (1927, № 1) и, соответственно, учитывал возможные замечания цензуры, слова о национальностях, разных целях и идеалах, коммунах и счастье отсутствуют¹². Из издания 1922 г. можно также понять, что в Талла нет семей: о человеке по имени Рунут герой говорит: «...кажется, он был моим отцом»¹³. Однако читатель узнает мало подробностей о жизни Талла, описание которой в целом соответствует жанровым признакам утопии. Хотя Гелий, который в Стране Гонгури зовется Риэлем, и родился там, ему скучно в этом мире упорядоченного покоя, и он отправляется в Генэри – страну мечтателей, ученых, поэтов. Риэль поселяется в столице – городе Лоэ-Лэле, работает в «величайшем в мире здании» – «Дворце Мечты», который раньше назывался «Дворец Революции», а затем «Храм Истин»¹⁴. Столица Генэри Лоэ-Лэле прекрасна: «Гипертрофированные розовые кусты, странные декоративные растения... аллеи, вымощенные плитами темного топаза, удивительные фонтаны..., зеленые, красные, желтые легкие невиданные постройки, обвитые вьющимися цветами, огромными, как луны, и всюду статуи (какие статуи!) генерийских скульпторов» [1, с. 23]. Правит страной Совет Ороэ, в котором собраны творческие люди – гении. В отличие от спокойной жизни Талла, в Генэри «существуют диковинные наросты, производившие ненужные и явно вредные предметы, главным образом возбуждающие яды»¹⁵, например своеобразные денежные знаки. Жизнь в Генэри и прекрасна, и мучительна. Отметим, что люди этой утопической страны обладают не только рациональным сознанием. Во Дворце Мечты Риэль видит, как «неисчислимые толпы наполняют его аудитории, музеи, библиотеки, неисчислимые противоречия отравляют его воздух тончайшим ядом», замечает «налившиеся кровью глаза и дрожащие тела, разрушаемые невидимой борьбой идей»¹⁶. Неслучайно в момент наивысшего торжества Риэля – признания его открытия и вступления в Совет Ороэ – он чувствует себя подавленным и опустошенным. Слова отца Риэля многое объясняют в жизни планеты. «Если бы ты остался у нас, – говорит Рунут, – ты не прятал бы своих грез, мы все трудились бы вместе с тобой и человечество приобрело бы идеи твоих изобретений и твои открытия закономерно и безболезненно; но в Лоэ-Лэле с ее культами, празднествами, индивидуализмом и громадным гипнозом ты был только рабом страсти более сильной, чем твоя воля» [1, с. 72]. Однако

¹² См.: Зазубрин В.Я. Щепка. Итин В.А. Страна Гонгури. Красноярск: ИД «Класс-Плюс», 2016. С. 94 [20].

¹³ См.: Итин В. Страна Гонгури. С. 44.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ Там же. С. 45–46.

для героя мир гениев, высоких душ, хотя там и «пылают терновые розы трагедий духа», неизмеримо привлекательнее, чем спокойное счастье, именно поэтому, несмотря на тяжесть пути к сделанному им открытию, Гелий-Риэль стремится вернуться в Страну Гонгури. Заметим, кстати, что, видимо, опора на второй вариант повести определила оценку «Страны Гонгури» в работе А.Н. Шушпанова: «В повести Итина внимание сосредоточено не на деталях социального устройства утопического мира, <...> а на существовании личности в этом мире» – и неточную формулировку позиции автора повести: «Итин приходит к выводу, что яркая индивидуальность неминуемо вступит в конфликт с благоустроенным обществом, где сглажены все конфликты» [21, с. 14].

Истоки образа будущего, созданного Итиным в повести, во многом лежат в реальности его петербургской дореволюционной жизни. Неслучайно Яранцев называет «страну Гонгури» «петербургской повестью», рожденной «в эпоху Серебряного века» «флюидами той культурной среды, которую создал этот город-фантом»¹⁷. Там молодой Итин общался с революционером и профессором юриспруденции М.А. Рейснером и его дочерью Ларисой, революционеркой и писательницей (возможно, она и была прототипом Гонгури), сотрудничал с издаваемым ими журналом «Рудин», посещал Пушкинский семинар С.А. Венгерова. Мечты Итина о стране Гонгури – стране мечтателей, поэтов, гениев – Яранцев сопоставляет с идеалами Вольной философской академии, которые сформировались осенью 1918 г., тогда, когда Итина уже не было в Петербурге: «...вольфиловцы с большим энтузиазмом готовы были строить нечто небывалое с точки зрения тотально-гуманитарного синтеза самых разных отраслей науки, культуры, творчества» [7, с. 288]. В подтверждение биограф Итина называет «Объяснительную записку к проекту положения о Вольной Философской академии философа» А.З. Штейнберга, одного из основателей Вольфилы: «Русская революция открывает перед Россией и перед всем миром широкие и всеобъемлющие перспективы культурного творчества. Впервые из идеи Единого человечества делаются практические выводы. Мечта о соборном строительстве единого здания мировой культуры может наконец осуществиться в действительности и должна принять характер конкретной организационной попытки» [22, с. 45]. Возможно, «еще одним авторитетом» стал для молодого Итина, назвавшего своего героя Гелием, культ солнца А. Белого, для которого «обозначения солнца и неба и их цвета» имели «глубокий философско-мистический символистский смысл, проникнутый апокалиптикой Вл. Соловьева...»¹⁸.

Будущее человечества у Иванова выглядит совершенно иначе. Природа там тоже изменена, описываются, например, необыкновенные лошади: «гривы их были окрашены в красный цвет», у них «опаловые глаза с огромными ресницами», построены красивые здания со стенами из «светящегося металла», но

¹⁷ См.: Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури. Петербургское повествование. С. 3–4.

¹⁸ См.: Иванов Вс. История моих книг. С. 290–291.

люди остались прежними: «наши солдаты, в серых одеждах» с нашитыми «на месте сердца пурпурными красными звездами», и наши враги, «белые», – все так же воюют¹⁹. Лучше всего в мире будущего научились убивать и уничтожать трупы, которые заполняют стеклянные вагонетки. Во сне героя «неуклюжие, слонобразные, или, вернее, утюгообразные, машины» уничтожают врагов; упоминается еще «гуманный» способ убийства – «веселящий газ, дающий какую-то “розовую” смерть», в сером здании в сто этажей томятся пленные, которые все должны умереть. Все в этом мире «происходит почти беззвучно. Беззвучная борьба, беззвучная смерть»²⁰. Во сне Хабиева присутствуют оба героя: он сам и его товарищ – в реальности автор-повествователь. В мире будущего они какие-то важные люди, перед ними почтительно склоняются, однако постоянное чувство, которое испытывает Хабиев, это страх.

По сюжету, комиссар совершает поступок, нарушающий законы мира будущего. Среди пленных он вдруг узнает высокого человека с «тощими, ревматическими пальцами», который, возможно, когда-то где-то спас ему жизнь, и – «предает революцию», пряча у себя «двух грязных человеческих детенышей» высокого человека, а затем пытаясь увезти их на аэроплане в неизвестную страну, где «чужое солнце необычайных размеров встает из-за моря»²¹. Впоследствии из рассказа невесты Хабиева повествователь понимает, что высокий человек – отец комиссара, который вместе с двумя детьми погиб в Сибири. Попытка спасения братьев и снится Хабиеву, который не может вспомнить отца и умирает, охраняя эшелоны с беженцами, среди которых рассказчик видит именно этого человека.

Наложение реального и фантастического планов в рассказе создает особую атмосферу мира будущего, люди которого, забывшие о глубинных родственных связях, томятся в стыде и страхе беспамятства. Неслучайно автобиографический герой пытается, но не может забыть страшную зиму 1919 года: «Я молчу о зиме, все мое сердце давно привыкло молчать о зиме» [6, с. 309]. Это не новая для Иванова мысль, «что насилие – органически присущая революции черта и в рамках ее поиски путей к решению проблем гуманизма беспочвенны, что принцип оправдания революции любой ценой преступен, это писатель утверждал бесстрашно и последовательно», – отмечает Л.П. Якимова [23, с. 36].

Как ни парадоксально, но тот же страшный отсвет революции и Гражданской войны лежит на душе автобиографического героя повести Итина. И он хочет и не может забыть увиденные им в голубом светящемся шаре, который оказывается Землей, картины насилия, войн, массового истребления людей. Он видит и революцию: «тысячи молодых мужчин» с возбужденными лицами, и Риэль среди них «поют одни и те же песни»: «Под песни жизни мы идем строить новую жизнь». Но есть и «изнанка воодушевления толп»: «Передо мной

¹⁹ См.: Иванов Вс. Происшествие на реке Тун. С. 302.

²⁰ Там же. С. 302–304.

²¹ Там же. С. 304–308.

было страшно изуродованное поле... И по нему бродили люди с красными значками на рукавах ... и подбирали своих братьев, безлицых, безголовых, безногих – жалкие комки запекшейся грязи, бывшие когда-то людьми»²². Символом человечества Земли становится «громкая статуя, воздвигнутая на пороге великой пустыни: зверь с лицом человека»²³. Риэль понимает, «что все это – зверство, дикость, навоз, безделие», все, что люди «презирали в просветленные минуты и против чего боролись, было неизлечимо, потому что составляло часть их же душ...»²⁴.

Спасительное объяснение, что голубой шар – это сохранный мозг мрачного гения Неатна, где запечатлелись только страшные, болезненные факты, а потому достаточно его уничтожить и зла не будет, не помогает Риэлю: он принимает яд. А.Ф. Бритиков пишет о судьбе героя: он «трагически переживает повторяющийся в истории человечеств, разбросанных по Вселенной, единообразный круг несчастий, крови и ужасов»²⁵.

Так два писателя, Итин и Иванов, свидетели и очевидцы революции и Гражданской войны, создавая, казалось бы, различные картины будущего, приходят к одним выводам. «Светозарный идеал» будущего, возможно, осуществится, если изменится сама природа человека, в котором сочетаются и создание прекрасных «дворцов нового Мира», и стремление к разрушению и уничтожению, и человечность и бесчеловечность.

Показательно, что в более поздние периоды своего творчества Итин не станет обращаться ни к фантастическим жанрам, ни к мечтаниям о будущем. Иванов, напротив, спустя более пятнадцати лет после написания «Происшествия на реке Тун», в 1942 г., размышляя о будущем в контексте философского учения Вл. Соловьёва, записывает в дневнике: «Читал Вл[адимира] Соловьёва – о теократии. <...> Мне думается, что несколько фраз – почти буквально – перескочили в мою статью о Москве...» (запись от 5 ноября); читал «“Критику ‘о[т]влеченных’ начал” Соловьёва. <...> В нынешнее время там, где хоть сколько-нибудь пахнет внутренней свободой, вернее, победой над самим собой, – приятно себя чувствуешь» (запись от 7 ноября) [25, с. 182–183].

Список литературы

1. Итин В. Страна Гонгури. Канск: Гос. издат., 1922. 90 с.
2. Ануфриев А.Е. Русская проза первой трети XX века между утопией и антиутопией. Киров: ООО «Радуга- ПРЕСС», 2012. 212 с.

²² См.: Итин В. Страна Гонгури. С. 58.

²³ Там же. С. 56.

²⁴ Там же. С. 59–60.

²⁵ См.: Иванов В. Дневники / сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкова; ред. А.М. Ушаков. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 100 [24].

3. Тепляков А.Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 181–208.
4. Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 121–141.
5. Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006. 688 с.
6. Иванов Вс. Происшествие на реке Тун // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкива. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 300–310.
7. Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури. Петербургское повествование. Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2018. 420 с.
8. Папкива Е.А. Материалы к биографии Вс. Иванова 1917–1921 гг. // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкива. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 340–362.
9. Штырбул А.А. Всеволод Иванов в Сибири: Страницы творческой биографии в контексте истории (1917–1921). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. 152 с.
10. Яранцев В. Всеволод Иванов. Жизнь неслучайного писателя. М.: Молодая гвардия, 2023. 391 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
11. Итин В. О поэтах. Стихи и стихии // Маслов Г. Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / авторы-сост. В.В. Нехотин, И.Г. Девятьярова. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. С. 313–314.
12. Маслов Г. Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / авторы-сост. В.В. Нехотин, И.Г. Девятьярова. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. 440 с.
13. Чаликова В. О типологии литературных утопий // Феномен утопии в общественном сознании и культуре. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 9–13.
14. Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2004. 471 с.
15. Сизов С.С. Утопия и общественное сознание: философско-социологический анализ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 119 с.
16. Черткова Е.А. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
17. Шацкий Е. Утопия и традиция: пер. с польск. / ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 454 с.
18. Шишкина С.Г. Истоки и трансформация жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново: Ивановский гос. химико-технол. ун-т, 2009. 229 с.
19. Амелина А.В. Теоретический аспект изучения литературной утопии и антиутопии (к проблеме идентификации жанров) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 77–91.
20. Зазубрин В.Я. Щепка. Итин В.А. Страна Гонгури. Красноярск: ИД «Класс-Плюс», 2016. 169 с.
21. Шушпанов А.Н. Литературное творчество А.А. Богданова и утопический роман 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 18 с.
22. Белоус В. Вольфила [Петроградская вольная философская ассоциация] 1919–1924. Кн. 1. Предыстории. Заседания (Сер. «Исследования по истории русской мысли». Т. 11. Кн. 1). М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. 848 с.
23. Якимова Л.П. «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20–30-х годов XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 256 с.
24. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 448 с.
25. Иванов Вс. Дневники / сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкива; ред. А.М. Ушаков. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 492 с.

References**(Sources)***Collected Works*

1. Belous, V.G. Predystorii. Zasedaniya [Background stories. Meetings], in Belous, V. *Vol'fila. Petrogradskaya vol'naya filosofskaya assotsiatsiya: 1919–1924. Kniga 1* [Vol'fila. Petrograd Free Philosophical Association: 1919–1924. Book 1]. Moscow: Modest Kolerov i “Tri Kvadrata”, 2005. 848 p.

Individual Works

2. Ivanov, Vs. *Dnevnik* [The Diaries]. Moscow: IMLI RAN, «Nasledie», 2001. 492 p.
3. Ivanov, V.V. Proisshestvie na reke Tun [The Accident on the River Thun], in Ivanov, Vs. *«Bronepoezd 14-69»: Konteksty epokhi* [“Armored Train 14–69”: Contexts of the Era]. Moscow: IMLI RAN, 2018, pp. 300–310.
4. Itin, V.A. O poetakh. Stikhi i stikhii [About Poets. Poems and Elements], in Maslov, G. *Sochineniya v stikhakh i proze. Materialy k biografii* [Essays in Poetry and Prose. Materials for the Biography]. Omsk: Tipografiya «Zolotoy tirazh» (OOO «Omskblankizdat»), 2020, pp. 313–314.
5. Itin, V.A. *Strana Gonguri* [The Country of Gonguri]. Kansk: Gosizdat, 1922. 90 p.
6. Maslov, G.V. *Sochineniya v stikhakh i proze. Materialy k biografii* [Essays in Poetry and Prose. Materials for the Biography]. Omsk: Tipografiya «Zolotoy tirazh» (OOO «Omskblankizdat»), 2020. 440 p.
7. Papkova, E.A. Materialy k biografii Vs. Ivanova 1917–1921 gg. [Materials for the biography of Vs. Ivanov 1917–1921], in Ivanov, Vs. *«Bronepoezd 14-69»: Konteksty epokhi* [“Armored Train 14–69”: Contexts of the Era]. Moscow: IMLI RAN, 2018, pp. 340–362.
8. Shatskiy, E.R. *Utopiya i traditsiya* [Utopia and Tradition]. Moscow: Progress, 1990. 454 p.
9. Sizov, S.S. *Utopiya i obshchestvennoe soznanie: filosofsko-sotsiologicheskii analiz* [Utopia and Social Consciousness: a Philosophical and Sociological Analysis]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1988. 119 p.
10. Yarantsev, V.N. *Vivian Itin: Grazhdanin Strany Gonguri. Peterburgskoe povestvovanie* [Vivian Itin: Citizen of the Country of Gonguri. The Petersburg narrative]. Novosibirsk: RITs NPO Soyuza pisateley Rossii, 2018. 420 p.
11. Yarantsev, V.N. *Vsevolod Ivanov. Zhizn' neshchaynogo pisatelya* [Vsevolod Ivanov. The Life of a Non-Random Writer]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2023. 391 p.
12. Zazubrin, V.Ya., Itin, V.A. *Shchepka. Strana Gonguri: Povesti* [Sliver. The Country of Gonguri: Stories]. Krasnoyarsk: ID «Klass-Plyus», 2016. 169 p.

(Articles from Scientific Journals)

13. Amelina, A.V. Teoreticheskiy aspekt izucheniya literaturnoy utopii i antiutopii (k probleme identifikatsii zhanrov) [Theoretical Aspect of Studying Literary Utopia and Dystopia (to the Problem of Genre Identification)], in *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2023, vol. 25, no. 4, pp. 77–91.
14. Chertkova, E.A. Spetsifika utopicheskogo soznaniya i problema ideala [Specificity of Utopian Consciousness and the Problem of the Ideal], in *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1993, no. 3, pp. 71–81.
15. Ivanov, Vs.V. Istoriya moikh knig [The History of My Books], in *Nash Sovremennik*, 1957, no. 3, pp. 121–141.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Chalikova, V.A. O tipologii literaturnykh utopiy [On the Typology of Literary Utopias], in *Fenomen utopii v obshchestvennom soznanii i kul'ture* [The Phenomenon of Utopia in Public Consciousness and Culture]. Moscow: INION RAN, 2021, pp. 9–13.

17. Teplyakov, A.G. «Ya ne chinovnik i ne trus»: sud'ba Viviana Itina ["I am neither an Official nor a Coward": the Fate of Vivian Itin], in *Sbornik nauchnykh statey «Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke»* [Collection of Scientific Articles "Power and Society in Siberia in the Twentieth Century"]. Novosibirsk: Parallel', Institut istorii SO RAN, 2015, issue 6, pp. 181–208.

(Monographs)

18. Anufriev, A.E. *Russkaya proza pervoy treti XX veka mezhdru utopiey i antiutopiey* [Russian Prose of the First Third of the Twentieth Century Between Utopia and Dystopia]. Kirov: OOO "Raduga-PRESS", 2012. 212 p.

19. Britikov, A.F. *Russkiy sovetskiy nauchno-fantasticheskiy roman* [Russian Soviet Science Fiction Novel]. Leningrad: Nauka, 1970. 448 p.

20. Nikolaev, D.D. *Russkaya proza 1920–1930-kh godov: avanturnaya, fantasticheskaya i istoricheskaya proza* [Russian Prose of the 1920s and 1930s: Adventurous, Fantastic and Historical Prose]. Moscow: Nauka, 2006. 688 p.

21. Pavlova, O.A. *Metamorfozy literaturnoy utopii: teoreticheskiy aspekt* [Metamorphoses of Literary Utopia: the Theoretical Aspect]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2004. 471 p.

22. Shishkina, S.G. *Istoki i transformatsiya zhanra literaturnoy antiutopii v XX veke* [Origins and Transformation of the Literary Dystopian Genre in the Twentieth Century]. Ivanovo: Ivanovo State University of Chemistry and Technology, 2009. 229 p.

23. Shtyrbul, A.A. *Vsevolod Ivanov v Sibiri: Stranitsy tvorcheskoy biografii v kontekste istorii (1917–1921)* [Vsevolod Ivanov in Siberia: Pages of Creative Biography in the Context of History (1917–1921)]. Omsk: Izdatel'stvo OmGPU, 2020. 152 p.

24. Yakimova, L.P. «Pri zhizni proizveden v klassiki». *Vsevolod Ivanov v istoriko-literaturnom kontekste 20–30-kh godov XX veka* ["During His Lifetime, He Was Made a Classic". Vsevolod Ivanov in the Historical and Literary Context of the 20–30s of the Twentieth Century]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2019. 256 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

25. Shushpanov, A.N. *Literaturnoe tvorchestvo A.A. Bogdanova i utopicheskiy roman 1920-kh godov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Literary creativity of A.A. Bogdanov and the utopian novel of the 1920s. Abstract cand. philol. sci. diss.]. Ivanovo: Ivanovo State University, 2001. 18 p.